
Генри Вельтмейер

Глобальный кризис и Латинская Америка

В статье, подготовленной в начале 2010 г. для издания «Problemas del Desarrollo. Revista latinoamericana de economía» Национального автономного университета Мексики, автор оспаривает основной аргумент, доминирующий в академических и научно-популярных журналах, согласно которому нынешний кризис — это явление преимущественно финансового характера, и утверждает, что в Латинской Америке речь идет о системном кризисе и о кризисе действующей модели, что требует реакции, отличной от преобладающей в политических кругах ряда стран региона.

Ключевые слова: кризис, капитал, «финансиализация»*, мировая управляемость, политический режим, социальные движения.

Цель этой работы — дать критический анализ нынешнего глобального финансового кризиса, обратив особое внимание на его динамику в Латинской Америке. За последний год в свет вышли несколько книг и многочисленных статьи, в которых кризис объясняется с одной точки зрения: как результат недостаточного финансового регулирования и безответственной спекуляции. Главным аргументом в этих публикациях является то, что кризис обусловлен политическими действиями, способствовавшими волне финансовых спекуляций, а также тем, что кредиторы и финансисты воспользовались недостатками регулирования в этой сфере. Другими словами, утверждается, что кризис является не системным или структур-

ным, но финансовым, а, следовательно, он поддается корректировке посредством соответствующей монетарной политики, создания новых, более эффективных механизмов финансового регулирования и лучшей глобальной управляемости.

Автор данной статьи не разделяет эту точку зрения и утверждает, что кризис является частью системы, что подтверждается тем фактом, что кризисы происходили и ранее, хотя последний и был самым тяжелым, т.е. очевидной представляется *структурная* предрасположенность к кризису. Тем не менее, этот кризис, который из финансового явления быстро трансформируется в кризис многомерный, не одинаков по своему воздействию в мировом или региональном масштабе. Из-за особен-

Генри Вельтмейер — профессор, исследователь Отдела исследований проблем развития Университета Сакатекаса (hveltmeyer@gmail.com).

* Гипертрофированный рост финансового сектора ВВП по сравнению с реальным сектором экономики. (Прим. ред.)

ностей ситуации в Латинской Америке разные страны по-своему реагируют на кризис и дают свои варианты выхода из него. Выхода, который не ограничивается рыночными механизмами, банковским контролем, эффективным регулированием капитала и даже самого капитализма. Предпринимаемые шаги направлены на совершенствование не только самой институциональной структуры, но и основ этой структуры, объективно предрасположенной к кризису.

Разобьем наш аргумент на четыре части. Прежде всего определимся с предпосылкой нашего аргумента: капитализм характеризуется имманентной тенденцией к кризису. Позже мы проанализируем последние публикации, объясняющие кризис, и выделим из них две основные точки зрения: *монетарную* и *структурную*. Вторая точка зрения дает более близкое к действительности объяснение самих причин кризиса. Далее мы перейдем к изучению динамики кризиса и форм, которые он приобретает в Латинской Америке. В этой части мы уделим больше внимание различным ответам на кризис, чем его воздействию на экономику и общество. В следующей части мы изучим те альтернативы и ответы, которые предлагаются в регионе со стороны народных масс. Один из выводов, к которым мы пришли, заключается в том, что ни «дефинансализация»*, ни регулирование глобального капитала в его спекулятивной форме, ни новые механизмы по контролю над стяжательством и силами «экономической свободы», ни контрциклическая антикризисная политика с планом стимулирования производства не будут достаточными для разрешения проблемы. Другой вывод состоит в том, что сегодня необходимо переходить от регулируемого капитализма к социализму в той или иной его форме. В конечном счете мы утверждаем, что наиболее подходящим способом осуществления этого перехода

является активная мобилизация движущих сил перемен в народных массах общества. Мы полагаем, что достижения, отмеченные в этом направлении в Латинской Америке, указывают путь, по которому следует идти.

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К КРИЗИСУ

Несмотря на различные объяснения финансово-экономического кризиса, модели экономического и политического развития последних четырех десятилетий, вписываются в тенденцию мировой капиталистической системы к кризису. До 90-х годов существовало две системы производства — капиталистическая и социалистическая, и каждой из них соответствовали три «уровня развития»¹. Но по различным причинам, которые до сих пор не были должным образом объяснены и требуют более адекватного анализа, социализм как альтернатива капитализму пал под ударом системного и политического кризиса, что привело к краху социализма в СССР, Восточной Европе, Китае и других частях Азии².

Куба, ставшая жертвой обстоятельств, обусловленных этим крахом, смогла самостоятельно реструктурировать свою социалистическую модель и наблюдать кризис этой модели в других странах, в результате чего тенденция медленного, но стабильного восстановления сохранялась более десяти лет после экономической реформы с учетом нового контекста глобализации³.

Что касается других стран региона, то можно сказать, что им пришлось пережить воздействие различных деструктивных сил системы и ее неолиберальной конфигурации. Филиппинский социолог и политолог У.Белло утверждает, что можно проследить корни системного кризиса, захлестнувшего капиталистический мир, с 70-х годов, т.е. с кризиса, положившего конец «золотому веку» капитализма, который французские историки называют «славным тридцатилетием» (1945—1975). Ускорение темпов кризиса перепроизводства в капитализме после этого «золотого века» проявилось в тенденции к стагнации, что

* Меры по приведению финансового сектора в соответствие с состоянием реального сектора экономики. (Прим. ред.)

вызвало процессы реструктуризации, которые привели к следующим результатам:

- технологическое преобразование мирового производственного аппарата, способствующее процессу «производственной трансформации»⁴;

- мировое пространственное и географическое перемещение производства и капитала, приведшее к возникновению феномена индустриализирующихся стран, расположенных в широтах мирового Юга, и к новому международному разделению труда⁵;

- институциональное реструктурирование с намерением укрепить мировую капиталистическую систему, изменяя формы принятия решений относительно распределения средств производства, еще более «освобождая» экономические силы от контроля *государства благосостояния*⁶;

- политика реструктуризации (неоконсервативная контрреволюция), которая ослабила власть государства и в то же время уничтожила власть профсоюзов рабочих в их отношении с капиталом, что вылилось в децентрализацию и ре-демократизацию с целью разделить ответственность за государственное управление с широкими секторами гражданского общества⁷;

- с конца 80-х годов процесс «финансиализации», вызвавший огромный дисбаланс между реальной и финансовой экономикой и в 2007 г. тяжелый кризис финансовой системы, который вызвал коллапс и обвал мировых капиталовложений. Это процесс угрожает разрушить реальную экономику и в результате подточить основы мирового капиталистического производства, сотрясая реальную экономику в центре системы и вызывая еще более неожиданные последствия на периферии⁸.

У.Белло понимает начавшийся с 1980 г. процесс как экономическую и политическую корректировку нового мирового порядка, которая предусматривала три стратегии, чтобы избежать кризиса перепроизводства: 1) неолиберальная реструктуризация; 2) глобализация и 3) «финансиализация».

Неолиберальная реструктуризация, по мнению Белло, приняла форму «тэт-

черизма» и «рейганизма» на Севере и структурной корректировки на Юге. Целью было «укрепить накопление капитала» посредством устранения государственного участия в экономическом росте и в использовании капитала» и перераспределения доходов от бедных и среднего класса к богатым, что должно было стать для богатых стимулом инвестировать и таким образом возобновить процесс экономического роста. По мнению Белло, проблема этой формулы заключается в том, что «перераспределение доходов к богатым привело к ограничению спроса и покупательной способности бедных и среднего класса, поэтому это не побудило богатых инвестировать и увеличивать производство». В результате неолиберальная реструктуризация, произошедшая на Севере и на Юге в 80—90-х годах, имела негативные последствия с точки зрения экономического роста: «среднемировой экономический рост составлял 1,1% в 1990 г. и 1,4% в 1980 г. в сравнении с 3,5% в 1960 г. и 2,4% в 1970 г., когда доминирующей была политика вмешательства».

Второй выход и глобальный механизм накопления капитала заключался в экстенсивном накоплении, понимаемом как *глобализация* — «интеграция полукapиталистических, некапиталистических или докапиталистических районов в мировую рыночную экономику». Целью этого, по мнению Белло, было открыть доступ капитала к дешевой рабочей силе, а также к новым рынкам и дешевым источникам сырья. Интеграция осуществлялась различными средствами: как устранение препятствий для мобильности капитала, уничтожение барьеров для иностранных инвестиций и, главное, финансовая и коммерческая либерализация. Последние механизмы были ключевыми в неолиберальных программах, стимулированных «Вашингтонским консенсусом».

Альтернативный способ выйти из кризиса в действительности привел к обострению проблемы перепроизводства, потому что в качестве основного решения рассматривалось увеличение производственных мощностей.

Из-за неудовлетворительных результатов борьбы с депрессивным воздействием перепроизводства третий выход — «финансиализация» — стал основополагающим для поддержания и увеличения норм прибыли. Так как инвестиции в промышленность и сельское хозяйство приносили мало прибыли, в результате избытка накопленного капитала значительные объемы избыточных средств были инвестированы или направлены в финансовый сектор, что усугубляло проблему и увеличивало спекуляцию, то есть «финансовый сектор в итоге обернулся против себя»⁹.

Многомерную реструктуризацию (с целью избежать кризиса) можно проследить на протяжении четырех десятилетий «развития». Это был процесс перехода от государства благосостояния к чисто неолиберальному государству, хотя следует отметить, с «очень короткой историей неолиберализма»¹⁰. Эту короткую историю можно разделить на четыре цикла развития:

— процесс, связанный с политикой, разработанной в 1970-е годы новым поколением экономистов, получивших образование в Чикаго и симпатизирующих военному режиму А.Пиночета;

— другой цикл произошел в 80-е годы и связан с призывом сформировать новый мировой порядок, в котором М.Тэтчер, Р.Рейган и другие неоконсерваторы применили программы «структурных» реформ национальной экономической политики (разработанной экономистами Всемирного банка и основанной на модели режима Пиночета, опирающейся на «Вашингтонский консенсус»). Все это произошло в условиях кризиса, вызванного внешней задолженностью;

— следующий цикл был отмечен третьим этапом неолиберальных реформ в 90-е годы и происходил с момента «поствашингтонского консенсуса», основанного на необходимости создать более устойчивый и управляемый неолиберализм. Другими словами, обеспечить лучшее равновесие между государством и рынком в процессе развития;

— наконец, это цикл нового тысячелетия с огромным финансовым пузырем, который повысил рост реальной экономики и рост потребления сырьевых ресурсов (2003—2008) в связи со спросом на энергоресурсы со стороны Китая и Индии¹¹.

ДИНАМИКА КРИЗИСА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Между 2003 и 2008 гг. Латинская Америка, особенно Южная Америка, нашла выход из кризиса производства, ударившего по региону в 2001—2002 гг.¹². Некоторые из стран пережили волну роста, основанного на экспорте сырья, источников энергии, полезных ископаемых и другого производственного сырья в Азию, особенно в Китай, а также промышленных товаров потребительского спроса для среднего класса стран Центра¹³. В течение этого периода благополучия темп экономического роста со среднего показателя по региону в 0,6% в 1996 г. и около 1% в 2002 г. вырос до среднего показателя по региону в 6,2% в 2004 г., 5,5% в 2005 г. и 5,6% в 2006 г. В странах Южной Америки с 2003 до 2007 г. рост был еще больше: в Аргентине — среднегодовой показатель в 8,3%, в Венесуэле — 8,0%, в Перу — 6,3% и в Боливии — 3,9%. На социалистической Кубе темп годового роста составил 9,0%¹⁴.

В 2008 г. вихрь финансового кризиса положил конец расцвету экспорта сырья. Первой реакцией в правительственных кругах на кризис стало его отрицание. Это произошло в Мексике, президент которой Фелипе Кальдерон заявил на Экономическом саммите в Давосе, что Латинская Америка и особенно Мексика защищены от финансового вируса и могут пережить эту «простуду» без серьезных осложнений. Вся ирония этого заявления заключалась в том, что Кальдерон — глава наиболее уязвимого государства из-за географической близости и тесных экономических связей с США, т.е. эпицентром кризиса. В момент публичного заявления Кальдерона различные аналитики предсказывали, что по меньшей мере 500 тыс. человек потеряют работу, 175 тыс. из них — только в

первом полугодии 2009 г. В марте оценки роста ВВП Мексики на 2009 г. снизились с -1,5% до -3%¹⁵. Хотя всего десять дней спустя мексиканские аналитики предсказывали падение более 5% ВВП на первый триместр 2009 г.¹⁶, но в конце 2009 г. реальное падение ВВП составило почти 10%.

Другие правительства Латинской Америки не стали пренебрегать эффектом кризиса на региональную и локальную экономику. Тем не менее, некоторые из них в последнем квартале 2008 г. и даже в 2009 г. поддерживали в себе иллюзию, что их страна могла избежать кризиса, пользуясь резервами в иностранной валюте и краткосрочными долгами, которые до того момента оставались относительно благоприятными. Это относится к странам Южной Америки, которые воспользовались расцветом экспорта своих сырьевых продуктов на мировой рынок. Но расцвет завершился из-за концентрации прибыли со стороны сельскохозяйственной элиты и правительств, которые извлекли значительную прибыль из высоких цен и налоговых поступлений¹⁷.

Похоже, что Уругвай смог противостоять ветрам кризиса, продемонстрировав довольно высокие темпы роста в 11% в 2008 г. Но если экономические исследования ЭКЛАК (2009) и аналитические материалы Международного коллоквиума по проблемам мирового кризиса в Латинской Америке, прошедшего 19—21 января 2009 г. в Мехико, верны, то у стран Южного конуса нет поводов для оптимизма. Особенно, если учесть провал попыток Большой восьмерки по преодолению кризиса в его эпицентре. Поэтому есть вероятность, или даже риск, что Уругваю еще придется побороться с распространением на его финансовые рынки и реальную экономику последствий кризиса, которые еще не дошли до этой страны со всей своей силой.

В недавнем исследовании ЭКЛАК (2009), посвященном ответам правительств Латинской Америки на глобальный кризис, утверждается, что перед ним не остается неуязвимой ни одна из стран региона. Это относится и к

тем странам, которые извлекли выгоду из расцвета экспорта сырья, тем, которые старались не выходить в расходах за рамки краткосрочной задолженности на мировом рынке, а также к тем, которые смогли накопить резервы. Латиноамериканские экономисты, собравшиеся в Мехико в январе 2009 г., полагают, что ни одна страна региона не может быть не затронута кризисом, несмотря на то, что журнал «The Economist» считает «смелыми» усилиями, предпринятые в Мексике, Бразилии, Аргентине и Венесуэле с целью обуздать его эффект. Независимо от этого, очевидно, что те правительства и капиталисты, которые накопили значительную краткосрочную задолженность как процент от общей суммы своих резервов — это те, кто наиболее подвержен риску и наиболее уязвимы перед кризисом.

Согласно оценкам экспертов вашингтонского офиса ЭКЛАК, эти факты показывают, что Латинская Америка переживала воздействие кризиса с октября 2008 г. Региону пришлось бороться с кредитным сжатием на своем рынке, замедлением потоков капитала, резким сокращением портфельных инвестиций, существенным снижением цен на акции, пересмотром монетарной политики и ростом процентных ставок по долгам. Рост ВВП Латинской Америки, предсказанный на 2009 г., с сентября по декабрь 2008 г. сократился с 3,6% до 1,4%¹⁸.

По данным МВФ, 40% финансового богатства Латинской Америки в 2008 г. — примерно 220 млрд долл. — было потеряно из-за сжатия рынка ценных бумаг, рынка активов и обесценивания валюты. Ожидалось, что эти потери приведут к сокращению расходной части госбюджета на 5% в 2009 г.

В Латинской Америке ухудшились условия товарооборота, и упали цены — в некоторых случаях значительно; импорт стал дороже, что свидетельствует о спектре растущего торгового дефицита¹⁹. Начало рецессии в Бразилии проявилось с сокращением промышленного производства на 6,2% в ноябре 2008 г.²⁰. В тот момент можно было подумать, что Латинская Америка находится на пороге глубокой и затяжной рецессии без плана или

программы по борьбе с его негативными эффектами. Правительства региона, особенно Чили, Перу и Колумбии, которые сильно зависят от притока прямых иностранных инвестиций, предприняли меры, чтобы защитить свои рынки и максимально снизить подверженность смертельному вирусу, чтобы ослабить воздействие кризиса посредством различных политических контрциклических мер²¹. Следует отметить, что до настоящего момента эти меры практически не имели успеха, хотя масштабы кризиса оказались меньше, чем те, что предсказывали экономисты ЭКЛАК, которые также классифицируют его как отсутствующий финансовый кризис (missing financial crisis)²².

Правительства региона не единственные, кто ответил на мировой кризис: левые, народные организации, включающие в себя профсоюзы, различные низовые организации и социальные движения региона, провели собственный анализ мирового кризиса. Их аргументом было то, что, хотя как производство, так и кризис были порождены «виртуальным» финансовым миром, в действительности кризис отражает крах неолиберализма или «истощение неолиберальной идеологии», а также слабость предпосылок капиталистического развития в регионе. Кроме того, они признают, что хотя кризис принял различные и многочисленные формы, в основном речь идет о кризисе производства. Это становится очевидным, если рассмотреть такие его эффекты, как массовая потеря рабочих мест, эрозия доходов и пенсий, регулируемых капиталистическими финансовыми учреждениями, сокращение важнейших коммунальных услуг и отсутствие доступа к питанию. Эти проблемы усугубляют эффекты кризиса с катастрофическими социальными последствиями.

ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЛЕВЫЕ И НАРОД ОТВЕЧАЮТ НА КРИЗИС

Можно привести аргумент, что хотя происходят массовые протесты, сама рецессия может дать повод для экономической реструктуризации — даже

производственной и социальной трансформации, — что необязательно предполагает смену системы. На начальной фазе реакции на кризис усилия классовой борьбы будут направлены на сохранение рабочих мест, предотвращение массовых увольнений и даже захват фабрик с целью защитить занятость. Этому может сопутствовать требование большего вмешательства государства посредством выплаты субсидий компаниям или выборочной национализации. Закат неолиберальной идеологии неизбежен, но его наиболее вероятной непосредственной заменой является «государственный капитализм» или либерализм, менее исключительный, более прагматичный и, возможно, принявший вид «демократического социализма или социальной демократии» со стороны «поствашингтонского консенсуса» и союза между левоцентристами и гражданским обществом.

Согласно мнению Дж.Петраса (2009), хотя на данный момент факты не подтверждают этого в полной мере, самая радикальная реакция на кризис наблюдается в странах, наиболее зависимых от экспорта сырья и наиболее интегрированных в сократившиеся рынки США и Европейского союза. Это такие государства, как Мексика, Эквадор, Перу, Венесуэла и Боливия. Такие страны, как Чили, Аргентина, Бразилия и Колумбия, с более диверсифицированным экспортом и с большим внутренним рынком также будут подвержены мировой рецессии, но не в столь тяжелой форме, как другие. Вероятно, рецессия будет происходить поэтапно, и первоначально ее эффект смягчится валютными резервами. Рецессия будет обостряться в условиях утечки капитала, снижения возможностей кредитования и стагнации на инвестиционных рынках, а также сокращения объема денежных переводов от трудовых мигрантов. Местные производители и рынки капитала испытывают на себе серьезные удары. С этой точки зрения, несмотря на прогнозы МВФ о том, что большинство стран региона в следующем году выйдут из кризиса, обстоятельства, приведшие к нему, все еще сохраняются, так же, как и

социально-экономическая и политико-экономическая структура. Согласно мнению экспертов ЭКЛАК, удивительно, что ни одна страна региона, особенно Бразилия, Чили, Перу и Венесуэла, испытавшие мощный экзогенный шок в отношении доходов от экспорта, ограничений доступа рынка капитала и потерю капитала, до этого момента не испытали еще более мощный финансовый или экономический кризис. Несмотря на это экономисты ЭКЛАК согласны с мнением Петраса, что в отсутствие «структурных» мер (вместо чисто контрциклических), принимаемых правящими кругами, народные массы оказались уязвимыми перед силами, которые несут им серьезное ухудшение их социально-экономического положения. В течение кризиса почти 900 тыс. человек, т.е. четверть населения, которое в предшествующие годы благодаря собственным действиям или новой социальной политике «поствашингтонского консенсуса» сумело вырваться из нищеты, снова оказалось в ней²³.

По Петрасу, радикализация левых могла бы укрепиться в случае провала планов по контрциклическому экономическому стимулированию и общественным работам, а также продолжения и усугубления рецессии. Ключевой здесь является структура социальных отношений производства в социально-экономических центрах кризиса и динамики этой структуры в формировании организованных групп, которые выявили бы лидеров, способных направить недовольство на локальном уровне и увязать его с национальным антиимпериалистическим и социалистическим планом²⁴. Учитывая ситуацию, рецессия открывает возможность для появления массовых движений, что в свою очередь создает условия для восстановления и обновления движений, включая движения социалистического толка²⁵. По словам Петраса, мировая рецессия «не только размывает то, что осталось от легитимности неолиберализма, но также бросает вызов конфигурации капиталистического класса».

Возможно, кто-то поставит под сомнение идеи Петраса о социально-по-

литических силах и динамиках кризиса, но, несомненно, спектр экономического коллапса и краха банков и финансовой системы создают условия для новой политики — в виде «государственного национализма» — как прелюдии к переменам потенциально радикального характера в доминирующей политике региона и к несбалансированным отношениям между государством и рынком, благоприятствуя первому. В этих обстоятельствах феномен Уго Чавеса и его проект построения «социализма XXI века» — проект, который скорее из конъюнктурных соображений, чем из-за идеологических разделяют Эво Моралес и Рафаэль Корреа в стремлении образовать многонациональное государство. В этих условиях (также обратите внимание на Аргентину и Бразилию) и в контексте национализма нового типа напряженность в отношениях между Латинской Америкой и США является неизбежной, но также многообещающей для социалистического проекта.

Процесс кризиса и процесс поиска ответов на него продолжают, и, несмотря на то, что некоторые решения недостаточно четко определены, в политических и академических кругах левой ориентации и в народных организациях наблюдается зарождающаяся тенденция обсуждать свои предложения и даже договариваться с «прогрессивными» или квазисоциалистическими правительствами региона. Переговоры происходят с такими правительствами, как правительство У.Чавеса, Р.Корреа и Э.Моралеса, а также с Инасио Лулой да Силвой, Кристиной Киршнер и Мишель Бачелет. Причем последние скорее являются прагматичными или социальными неолибералами, но в любом случае их никак нельзя обвинить в том, что они социалисты. С этими правительствами обсуждаются следующие предложения:

— повышение социальных расходов и инвестиции в инфраструктуру, переориентация политики центральных банков на создание рабочих мест, первые рекомендации экономистов-структуралистов и институционалистов, собравшихся в январе 2009 г. в г. Мехико;

— создание и расширение региональной системы банков и финансовых институтов развития, таких, как Банк Юга (с этим предложением согласны все секторы);

— расширение и углубление Боливарийского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*) — альтернативного проекта региональной торговли, первоначально предложенного Чавесом, который сейчас включает в себя региональный союз между Венесуэлой, Боливией, Эквадором и Кубой, а также Никарагуа и Гондурасом (и, возможно, Сальвадором после недавней победы Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти (*Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional, FMLN*), так как *ALBA* пользуется поддержкой со стороны левых);

— альтернативная модель местного производства продовольствия и продовольственной безопасности, основанная на обеспечении средств существования, базирующихся на небольших крестьянских производителях (эту модель поддерживает международное крестьянское движение «Крестьянский путь» (*Vía Campesina*);

— социализм в том или ином его виде (согласно некоторым предложениям, государство должно быть централизованным, согласно другим — децентрализованным, предусматривающим участие народных масс в принятии политических решений) и обобществление средств производства и потребления. Эта идея, предлагаемая некоторыми секторами рабочего движения, такими, как Мексиканский синдикат электриков (*Sindicato Mexicano de Electricistas, SME*), которые настаивают на том, что трудящиеся не имеют ничего общего с причиной кризиса, но именно они смогут положить ему конец, и призывают к социальной мобилизации всех левых секторов, как государственных — в случае Венесуэлы (и, может быть, Боливии и Эквадора), — так и гражданского общества, рабочих профсоюзов, социальных движений и всех секторов, критически настроенных по отношению к неолиберализму. Это предложение

также предусматривает создание региональных союзов и координационных органов, таких, как Управление социальных движений (*Coordinadora de Movimientos Sociales, CMS*) в Эквадоре.

Контрциклические меры, рекомендованные экономистами, опирающимися на структуралистский или институционалистский подходы, с целью воссоздать кейнсианское государство благосостояния соотносятся с мерами, предложенными экономистами левой социал-демократической ориентации. На самом деле многие «прогрессивные» или левоцентристские правительства региона, созданные на фоне разочарования неолиберализмом, уже приняли эту политику. Например, отчет ЭКЛАК о контрциклической политике, т.е. против кризиса, принятой различными правительствами региона в 2008 г., показывает, что 16 из 21 страны в Латинской Америке увеличили государственные расходы на инфраструктуру. Другие пять правительств способствовали созданию рабочих мест. Также 14 правительств поддерживали или даже увеличивали государственные расходы на социальные нужды. Шесть правительств сократили свои международные резервы (подобные меры приняли правительства Большой восьмерки), 15 — увеличили ликвидность в национальной валюте, а 8 — в иностранной валюте²⁶. Тем не менее, реакция этих правительств на рецессию отражает их восприятие кризиса исключительно как кризиса финансового рынка и как проблемы фискально-валютной политики.

Некоторые страны приняли структурную политику, основанную на противоположном валютному или фискальному пониманию кризиса. Подобные меры осуществлялись «прогрессивными правительствами» левоцентристов, особенно в Венесуэле — стране, которая с 1999 г. является очагом левых идей в Латинской Америке и осью нового союза с Кубой и левоцентристскими правительствами Боливии и Эквадора. Эти меры включают в себя, помимо прочего: новый механизм внутрорегиональной торговли (*ALBA*), создание институционального механизма

для продвижения развития экономик региона (Банк Юга) и ренационализации природных ресурсов и экономических компаний в стратегических отраслях. Следует указать, что союз существовал, а указанные меры принимались еще до кризиса. Они скорее являются ответом на империализм США и модель неолиберальной глобализации, которую Вашингтон продвигает во всем регионе с 80-х годов.

Некоторые политические меры, предпринятые этими странами, похожи на те, что реализовывались в центрах капитала, как например, робкие национализации банков и финансовых учреждений в США и Великобритании, то есть фактическое обобществление частных потерь в обмен на финансовое возмещение. Но для стран Латинской Америки политика ренационализации ресурсов страны и компаний в стратегических отраслях связана с необходимостью искать альтернативную капитализму систему²⁷. Систему, которую Чавес определил как «социализм XXI века». Пока нет единого мнения относительно формы, которую может принять этот социализм. Нет также, по утверждению Чавеса, заранее разработанной модели, а есть только принципиальное согласие о необходимости создать новую модель развития для нового «абсолютно человеческого» общества, общества равных возможностей, которое привело бы к «новому миру справедливости, достоинства и равенства, возможного только при социализме»²⁸.

По-видимому, все указывает на то, что эти «структурные» перемены в организации национального и регионального развития могут помочь странам и их народам продержаться, несмотря на ущерб, связанный с процессом реструктуризации. На этот процесс уже затрачено около 50 млрд долл. из средств мировой экономики, что привело к тяжелым последствиям для тех, кто работает и зарабатывает на жизнь в реальных секторах экономики. Обычно реструктуризация капитала сильнее всего ударяет по самым бедным, маргинальным слоям, наиболее удаленным от «центра», которые неспособны защи-

тить себя от ее последствий. Единственная возможность для простых людей защититься от кризиса и его реструктуризации — по возможности отгородиться от «центра» и мобилизовать силы для противодействия системе в целях построения *нового мира*.

MINGA СОПРОТИВЛЕНИЯ: ВЫРАБОТКА ПОЛИТИКИ СНИЗУ

29 февраля 2009 г. региональный союз индейцев, крестьян и социальных движений Боливии созвал народ, чтобы организовать «*Minga* сопротивления», в союзе с «другими народами и процессами» в регионе²⁹. *Minga* — термин из языка кечуа, означающий «коллективное действие», имеющее важное значение для индейцев, бедных и метисов в Андах. Призыв участвовать в *minga*, то есть в коллективном действии на местном и мировом уровне, играет важную роль в культурах этих народов, которые разделяют историю порабощения. Тот факт, что эти группы созывают *minga*, говорит о необходимости вести политическую работу, которая в то же время ведет к коллективному действию.

Размышления и действия, связанные с поиском альтернатив капиталистическому развитию и неолиберализму, являющихся несомненными источниками нынешнего мирового кризиса, уже начались в народных массах различных стран региона. Пример тому — созыв (20 января 2009 г.) социальных движений Америки на Всемирный социальный форум в г. Белен. Исходя из диагноза глубокого кризиса капитализма в современных условиях, агенты капитализма и империализма пытаются «переложить» кризис на народы. В таких обстоятельствах представительство широкой региональной коалиции социальных движений Америки объявило о необходимости и намерении создать «проект жизни народов против империализма», а также стремиться к народной форме «региональной интеграции» (ALBA) «снизу», чьим основным принципом будет «социальная солидарность как приоритет против империализма».

Согласно этой народной перспективе, мировой кризис — это не вопрос регулирования финансовых рынков, но вопрос социальный, связанный с производством. Он предполагает создание устойчивого образа жизни, обеспечивающего занятость и контроль над ценами на продовольствие, которые в условиях мирового кризиса безудержно растут. В свое время бывший исполнительный секретарь ЭКЛАК Хосе Луис Мачинеа сказал, что продолжающееся увеличение цен на продукты питания в первую очередь наносит удар по самым бедным гражданам Латино-Карибской Америки. Кроме того, ожидается ухудшение в распределении доходов. Действительно, согласно подсчетам, 10 млн человек, живущих в бедности, могут стать нищими. При этом не учитываются те люди, которые уже были бедными или нищими до того, как начался мировой кризис.

Существуют и другие примеры народного противодействия кризису производства и продовольствия, например, рабоче-крестьянский союз в Мексике. Этот союз сформировался, чтобы обеспечить доступные продукты крестьянам и рабочим в городах. Другим показателем негативных эффектов кризиса стало повышение цен на маисовые лепешки, в связи с которым представители союза объявили, что входящие в эту организацию производители будут предоставлять рабочим и их семьям товары по себестоимости, по меньшей мере, на 20% ниже, чем в коммерческих компаниях. Подписавший производственный союз директор Национальной мексиканской конфедерации сельскохозяйственных производителей маиса Эфраин Гарсиа Бельо заявил, что подобные действия направлены на поддержку экономического положения рабочих в городских зонах и сельских жителей.

В том же смысле различные организации из крестьянского движения в Мексике, включая те, что близки к бюрократическому аппарату, предложили правительству включить в их антикризисный план политику местного производства маиса, риса, молока, растительного масла, свинины и других продук-

тов с целью воспрепятствовать свободному ввозу сельскохозяйственной продукции в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле. По утверждению членов Сапатистской армии национального освобождения, это соглашение стало причиной кризиса сельскохозяйственного производства и смертным приговором бедным крестьянам.

Что касается местного производства и импорта растительного масла, председатель палаты сенаторов Комиссии по сельскому развитию заявил, что в этом случае политика государства, связанная с отменой импортных пошлин, создает угрозу средствам существования и прямой занятости около 10 тыс. человек в секторе, а также косвенной занятости до 30 тыс. человек³⁰.

Таким образом, важно, окажутся ли левые политики и интеллектуалы на высоте вызова, сформулированного *Abya Yala**. То есть, есть ли способность и воля активно поддержать силы революционных перемен, которые формируются в народном секторе и которые ищут реальную альтернативу капиталистическому развитию.

ВЫВОДЫ

Наш аргумент, построенный на основе гипотезы о тенденции капиталистической системы к кризису, можно подтвердить следующими положениями: 1) кризис 70-х годов не носил финансового характера, но был кризисом капиталистической системы производства, и среди стратегических и структурных ответов на него была глобализация капитала в неолиберальной форме; 2) кризис в своих проявлениях многомерен; 3) мировой кризис уходит корнями в разобщение между финансовой экономикой и производством — «финансиализацию»; 4) как и любой кри-

* Название, которым панамские индейцы куна с доиспанских времен обозначали американский континент и которое переводится как «зрелая земля». В наши дни термин используется как символ сохранения индейской идентичности. (Прим. перев.)

зис, он порождает силы, нацеленные на перемены, и открывает «возможности» для смены «структуры» социально-экономических условий; 5) наблюдаемые в Латинской Америке стратегические ответы на «возможность», предложенную кризисом, были неадекватны; 6) правящий политический класс, включая левые и левоцентристские правительства (в Венесуэле, Аргентине, Бразилии, Чили, Боливии), неправильно оценив кризис, считая его исключительно финансовым, привнесенным извне, ответил контрциклической политикой, направленной на снижение уязвимости экономики перед внешним воздействием, но минимизировал влияние «механизмов передачи кризиса»; 7) народное движение, включая органических интеллектуалов и социальные левые силы, осознало, что речь идет не о финансовом кризисе, а о кризисе капиталистического производства, и корень нужно искать в глубине системы (грубо говоря, можно рассмотреть в этом элементы нового пост-неолиберального консенсуса); 8) несмотря на этот появляющийся консенсус, народные организации не смогли адекватно ответить на кризис, ни в форме коллективного действия, направленного на сопротивление, которое также ведет к свержению системы, ни в форме построения альтернативной модели.

Из нашего анализа можно сделать два вывода. Первый связан с самой динамикой кризиса, т.е. с силами перемен, высвобожденными кризисом, и стратегическими ответами на эти силы, которые нацелены на реструктуризацию системы или социальных производственных отношений. Что касается ответственных за разработку политики в Латинской Америке, а также большей части экономистов, с которыми они консультируются, будь они неолиберальной, неоинституционалистской ориентации или последователями ЭКЛАК, то они считают, что причина кризиса внешняя. Тем не менее, следует указать, что с кризиса внешней задолженности 80-х годов страны Латинской Америки пассивно вошли в неолиберальную глобализацию; это вхождение — основная при-

чина экономической стагнации, испытанной в последние десятилетия, а также настоящего кризиса, который наносит удар по региону во всех его измерениях. Народные движения, базой для которых являются новый пролетариат (и полупролетариат), индейские и крестьянские общины, пока не смогли выработать адекватную стратегию (чтобы перейти от сопротивления к обороне), построить альтернативную экономическую модель. Тем не менее, как органические интеллектуалы, так и группы левых сил понимают, что кризис присущ капиталистической системе, и поэтому их позиции отличаются от позиции экономистов ЭКЛАК, которые акцентируют внимание на выявлении «основных механизмов передачи» кризиса, чтобы смочь предотвратить его структурные последствия.

Второй вывод заключается в том, что ни лучшая мировая управляемость, ни более эффективное регулирование капитала не являются путями выхода из кризиса. Выходом также не являются ни создание лучшего баланса между рынком и государством, ни «дефинансализация». Чтобы выйти из кризиса, требуются новое соотношение сил и активная мобилизация населения против неолиберальной модели и капиталистической системы. Необходимо пост-неолиберальное государство: не иная «форма развития» неолиберализма, пусть и с большей включенностью, как предлагают эксперты ЭКЛАК, а полный отход от этой модели. Речь идет не еще об одной реформе системы или изменениях в ее институциональности с целью смягчить ее воздействие и сделать процесс более гуманным, а о социальной трансформации. Несомненно, социальные и политические силы, способные достичь этих целей, не заключены ни в политическом классе, ни в захвате этим классом инструментов политической власти, сконцентрированной в руках государства. Выход из кризиса требует разрушения системы, которая его воспроизводит, посредством эффективной мобилизации социальных и политических сил широких слоев населения. Речь идет не только о

коллективном и скоординированном сопротивлении всех сил политике господствующего класса по насаждению системы, а в том числе и о построении социальной, экономической и исторической альтернативы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. P. W o r s l e y. The Three Worlds: Culture and World Development. Chicago, 1984.

² См. M. D e s a i. Marx's Revenge: The Resurgence of Capitalism and the Death of Statist Socialism. London, 2004.

³ См. J. B e l l L a r a. Cuba in the 1990s. La Habana, 2009.

⁴ ECLAC. Productive Transformation with Equity. Santiago, 1990.

⁵ См. F. F r ö b e l, J. H e i n r i c h s, O. K r e y e. The New International Division of Labour. Structural Unemployment in Industrialised Countries and Industrialisation in Developing Countries. Cambridge, 1980.

⁶ См. J. P e t r a s, H. V e l t m e y e r. Empire with Imperialism, London, 2005. J. P e t r a s, H. V e l t m e y e r. Globalization Unmasked: Imperialism in the 21st Century. Halifax — London, 2001.

⁷ См. H. V e l t m e y e r. Illusions and Opportunities: Civil Society in the Quest for Social Change. Halifax, 2007.

⁸ См. J. B. F o s t e r, F. M a g d o f f. Financial Implosion and Stagnation: Back to the real economy. — Monthly Review, vol. 60, N 6, 2008.

⁹ См. W. B e l l o. The Global Collapse: A non-orthodox view. — Z Net, 22.II.2009.

¹⁰ См. D. H a r v e y. A Brief History of Neoliberalism. Oxford, 2005.

¹¹ См. J. P e t r a s, H. V e l t m e y e r. Espejismos de la izquierda en América Latina. Buenos Aires, 2009.

¹² В связи с терактами 11 сентября 2001 г. экономический рост в Латинской Америке снизился больше, чем в других развивающихся регионах. Если в 2000 г. реальный рост ВВП составлял более 4%, то среднегодовой рост в 2001—2002 гг. составил 0,6%.

¹³ В период 2002—2006 гг. в Латинской Америке были зафиксированы самые высокие за два десятилетия показатели экономического роста.

¹⁴ CEPAL. Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2008, p. 13.

¹⁵ La Jornada. México, 17.III.2009.

¹⁶ La Jornada, 29.III.2009.

¹⁷ Подробнее см. J. P e t r a s, H. V e l t m e y e r. Op. cit.

¹⁸ Financial Times. London, 09.I.2009.

¹⁹ Ibid., 09.I.2009, p. 7.

²⁰ Ibid., 07.I.2009, p. 5.

²¹ CEPAL News, vol. XXIV, N 2, 2009.

²² ECLAC. The Reactions of Latin America and Caribbean Governments to the International Crisis: An Overview of Policy Measures up to 30 January 2009. Santiago, 2009.

²³ ECLAC. Social Panorama of Latin America: Briefing Paper. Santiago, 2009, p. 18.

²⁴ J. P e t r a s, H. V e l t m e y e r. Espejismos de la izquierda en América Latina. Buenos Aires, 2009.

²⁵ В период 2007—2008 гг. новые массовые движения возникли в странах, где 10 годами ранее их не было. Например, движения в Колумбии, Перу и Коста-Рике превосходили в указанный период движения в Аргентине и Боливии. В Колумбии, пока перегруппировывались партизаны, индейцы, студенты и рабочие организовывали многочисленные марши против режима президента А.Урибе.

²⁶ ECLAC. Social Panorama of Latin America: Briefing Paper. Santiago, 2009.

²⁷ См. L. P a n i t c h, S. G i n d i n. From global finance to the nationalization of the banks: Eight theses on the economic crises. — Global Research, 25.II.2009.

²⁸ H. C h á v e z. El socialismo del siglo XXI. En N. K o h a n. Introducción al pensamiento socialista. Bogotá, 2007, p. 247.

²⁹ В этот союз входят: Андский координационный совет индейских организаций (Coordinadora Andina de Organizaciones Indígenas, CAOИ), Координационный совет индейских организаций бассейна Амазонки (Coordinadora de Organizaciones Indígenas de la Cuenca Amazónica, COICA), Индейский совет Центральной Америки (Consejo Indígena de Centro América, CICA), различные индейские организации Колумбии, Эквадора, Перу, Боливии.

³⁰ La Jornada, 17.III.2009.

Перевод с испанского А. ЧЕРНЫШЕВА
(aleksey.chernyshev@gmail.com)